

Межгрупповое доверие русских в поликультурных регионах России: роль ценностей и межкультурных контактов

Галыпина В.Н.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Цель. Выявление взаимосвязи ценностей и межкультурных контактов с межгрупповым доверием у русской этнической меньшинства в двух поликультурных регионах России — Республике Северная Осетия — Алания (PCO-A) и Кабардино-Балкарской Республике (КБР).

Контекст и актуальность. Исследование межгруппового доверия в поликультурных обществах является важной проблемой, поскольку оно гармонизирует межкультурные отношения, способствует преодолению нестабильных социальных взаимодействий и приводит к важным общественным выгодам, в том числе личному и социальному благополучию. Однако в России изучалось в основном доверие этнического большинства и в контексте проблем аккультурации.

Дизайн исследования. Был использован социально-психологический опрос. Сбор данных проводился в городах и селах PCO-A и КБР, где компактно проживают русские. Использовалась техника снежного кома. Респонденты получали бланковые опросники, заполняли их и возвращали исследователю.

Участники. Выборку составили 593 респондента, принадлежащие к русской этнической группе. В PCO-A был опрошен 291 человек (29% мужчин, средний возраст 44,6 года); в КБР опрошено 302 человека (36% мужчин, средний возраст 42,7 года).

Методы (инструменты). Были использованы: опросник личностных ценностей Шварца PVQ-R, шкала доверия Ямагиши (Yatagishi), шкала межкультурных дружеских контактов из опросника международного проекта «Взаимные межкультурные отношения в плюралистических обществах» (MIRIPS).

Результаты. Данные, полученные на выборке русских PCO-A, показали, что ценности Открытости изменениям, Сохранения имеют положительное влияние, а ценности Самоутверждения — отрицательное влияние на межгрупповое доверие только через межкультурные контакты. Также интенсивные межкультурные контакты русских являются модератором, обуславливающим положительную взаимосвязь ценностей Открытости изменениям и межгруппового доверия. В КБР ценности Самоутверждения имеют как прямой, так и непрямой (через межкультурные контакты) отрицательные эффекты на межгрупповое доверие. Межкультурные контакты также являются модератором отрицательной взаимосвязи между ценностями Самоутверждения и межгрупповым доверием.

Основные выводы. В целом можно говорить о том, что особенности социокультурного контекста обуславливают значимость разных ценностей для межгруппового доверия. В ситуации благоприятного межкультурного взаимодействия и в близком религиозном контексте (PCO-A) если русские интенсивно общаются с представителями доминирующей этнической группы, то их ценности самостоятельности мысли и действий, открытость миру повышают доверие к другим группам. В инорелигиозном контексте при наличии межэтнической напряженности (КБР) если русские интенсивно общаются с представителями доминирующих этнических

групп, то их ценности достижения, власти, «сохранения собственного лица» будут снижать межгрупповое доверие.

Ключевые слова: ценности, межкультурные контакты, межгрупповое доверие, русское этническое меньшинство, РСО-А, КБР.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00169.

Для цитаты: Галяпина В.Н. Межгрупповое доверие русских в поликультурных регионах России: роль ценностей и межкультурных контактов // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 71–92. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120405>

Out-Group Trust of the Russians in Multicultural Regions of Russia: the Role of Values and Intercultural Contacts

Victoria N. Galyapina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Objectives. *The purpose of this study is to identify the relationship of values and intercultural contacts with intergroup trust among the Russian ethnic minority in two multicultural regions of Russia – the Republic of North Ossetia-Alania (RNO-A), the Kabardino-Balkarian Republic (KBR).*

Background. *The study of out-group trust is important for multicultural societies. Out-trust contributes to the harmonization of intercultural relations, overcoming unstable social interactions and leads to important public benefits, including personal and social well-being. However, in Russia, trust was studied among the ethnic majority and in the context of acculturation problems.*

Study design. *We conducted a socio-psychological survey. Data collection took place in towns and villages of North Ossetia-A and KBR, where the Russians live compactly. We used the “snow-ball” method. Respondents received blank questionnaires, completed them and returned them to the researcher.*

Participants. *The sample included 593 Russian respondents. In RSO-A, the sample included 291 respondents (29% of men, average age $M=44,6$); in KBR the sample included 302 respondents (36% of men, average age $M=42,7$).*

Measurements. *We used Personal Values Questionnaire – Revised (Schwartz), the Yamagishi scale of trust, the scale of intercultural friendship contacts from the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project (MIRIPS).*

Results. *The results showed that in RNO-A, Openness to change values, Conservation values were positively associated, and Self-Enhancement values were negatively related to out-group trust through intercultural contacts only. Intensive intercultural contacts of Russians also moderated the positive relationship between Openness to change values and out-group trust. In KBR, Self-Enhancement values had direct and indirect (through intercultural contacts) negative effects on out-group trust only. Intercultural contacts also moderated the negative relationship between Self-Enhancement values and out-group trust.*

Conclusions. *In general, the results showed that the characteristics of the sociocultural context determine the significance of different values for out-group trust. In the situation of favorable intercultural relations and in “the close” religious context (RNO-A), if the Russians interact intensively with the dominant ethnic group representatives, then their values focused on the self-direction thought and action, openness to the world increase out-group trust. In “the distant” religious context in the situation*

of interethnic tension (KBR), if the Russians interact intensively with dominant ethnic groups representatives, then their values of achievement, power, "preserving their own face" reduce out-group trust.

Keywords: values, intercultural contacts, intergroup trust, Russian ethnic minority, RNO-A, KBR.

Funding. The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), project number 19-18-00169.

For citation: Galyapina V.N. Out-Group Trust of the Russians in Multicultural Regions of Russia: the Role of Values and Intercultural Contacts. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 71–92. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120405> (In Russ.).

Введение

Как показывают исследования [11; 15; 21], межгрупповое доверие играет важную роль в межкультурных отношениях, оно гармонизирует их [5], действует как форма «социального клея» [52], выступает просоциальным посредником [39]. Как отмечают исследователи [29], это психологическое средство преодоления нестабильных социальных взаимодействий, приводящее к важным общественным и политическим выгодам, в том числе личному и социальному благополучию. В этой связи исследование межгруппового доверия в поликультурных обществах и факторов, его определяющих, является важной проблемой как для социально-психологической науки, так и для практики.

Обзоры исследований доверия [17; 26] показывают сложность определения этой категории. Доверие к другим часто понимается как «обобщенное ожидание отдельного человека или группы, что он/она может положить на слова, обещания, устное или письменное заявление другого лица или группы» [41, с. 444]. Межгрупповое доверие предполагает, что люди верят в то, что другая группа искренна и готова к сотрудничеству. Межгрупповое доверие облегчает совместное поведение, при этом учитываются потребности взаимодействующих групп [16].

Исследования доверия в европейских странах, а также в Канаде и США показали, что многочисленные критерии этнической принадлежности (включая расу, национальное происхождение, язык, этнический статус) предсказывают доверие, то есть веру в то, что большинству людей можно доверять [50].

Различные точки зрения на проблему межгруппового доверия [17; 18; 26] включают в себя идею о том, что доверие другой группе может принести выгоду или ее потерю в конкретном социокультурном контексте.

Фокус данного исследования — русские, проживающие в 2-х поликультурных республиках Северного Кавказа — Республике Северная Осетия-Алания и Кабардино-Балкарской Республике. Эти социокультурные контексты имеют ряд сходств и различий.

Обе республики являются поликультурными: доля титульных этносов составляет около 60%, а доля русского этнического меньшинства около 20%, русские являются второй по численности этнической группой [6]. Однако существует и ряд значимых различий: 1) в РСО-А одна титульная этническая группа — осетины (64,5%), в КБР — две — кабардинцы (57,2%) и балкарцы (12,7%), которые относятся к разным языковым семьям; 2) республики различаются по религиозному составу — в КБР мусуль-

мане составляют 72,0%, православные — 27,8%, титульные группы исповедуют ислам; в РСО-А мусульмане составляют 8,7%, православные — 91,2%, титульная группа исповедует православие [3]; 3) в РСО-А межэтнические отношения между русскими и представителями доминирующей этнической группы достаточно благоприятные [4; 9], тогда как в КБР в межэтнических отношениях наблюдается напряженность [4; 13]; 4) в РСО-А свыше 60% осетин используют русский язык в бытовом общении [2], а в КБР у титульных групп существует языковое двуязычие (русско-национальное) [1]; 5) в РСО-А у русских и осетин существуют взаимные установки на интеграцию [2], в КБР титульные группы ориентированы на сепарацию [1]. Выделенные признаки не только демонстрируют особенности регионов, но и позволяют заключить, что русские в РСО-А и КБР являются этническим меньшинством [8; 12; 28; 46]. В дальнейшем в исследовании мы будем использовать этот термин.

Исходя из вышеизложенного, мы можем предположить, что в данных социокультурных контекстах межгрупповое доверие и его взаимосвязь с ценностями и межкультурными контактами могут различаться. Наш *первый исследовательский вопрос*: каковы сходства и различия во взаимосвязях ценностей, межкультурных контактов и межгруппового доверия в двух социокультурных контекстах.

В качестве факторов, которые оказывают воздействие на доверие к представителям разных этнических групп и способствуют контактам с ними, рассматриваются ценности и ценностный климат [19; 32; 55].

Изучая мигрантов в Европе и Америке [22; 30; 38; 50], исследователи отмечали, что они имели более низкий уровень доверия в сравнении с представителями

принимающего общества. В качестве причин этого ученые выделяли ценностный климат страны исхода — менее развитые демократические ценности [20; 35; 54]. По результатам исследований, проведенных в Европе и США [55], было установлено, что контексты, характеризующиеся высокой степенью ориентации на демократические ценности, например, ценности **Открытости изменениям**, смягчают разрушающий эффект недоверия после миграции. Напротив, контексты с низкой **Открытостью изменениям** или высокой ориентацией на ценности **Сохранения** усиливают разрушающий эффект недоверия [55].

Однако, как показывают исследования, проведенные у квебекцев в Канаде и чернокожих американцев в США [44; 45; 51], представители групп меньшинств, родившиеся в культурах с ценностным климатом, ориентированным на демократию и открытость, также имеют более низкое доверие в сравнении с представителями этнического большинства. Это свидетельствует о неоднозначности влияния ценностного климата на доверие и требует проверки в других социокультурных контекстах.

В исследованиях представителей этнического большинства было установлено, что люди с выраженными ценностями **Открытости изменениям** заинтересованы в людях разного этнического происхождения, они более склонны взаимодействовать с внешними группами. Люди, имеющие выраженные ценности **Самопреодоления**, ориентированы на равные возможности для всех, менее предвзяты по отношению к внешним группам, соответственно также ориентированы на взаимодействие с представителями аутгрупп [19]. В отличие от этого, люди с более выраженными ценностями **Сохранения** имеют более нега-

тивное отношение к внешней группе и не ориентированы на контакты с ней [32]. Причина в том, что группы этнических меньшинств или мигрантов бросают вызов установленным нормам и групповым договоренностям, сложившимся у представителей принимающего общества, поскольку они могут принести новые культурные традиции и бороться за социальный статус. Роль ценностей **Самоутверждения** менее ясна, по мнению исследователей, члены внешней группы или мигранты могут усиливать конкуренцию и таким образом стимулировать негативное отношение [43]; напротив, присутствие представителей разных этнических групп может также обеспечить возможность для установления господства и власти [42].

Однако, как показывает анализ, исследований о связи ценностей, межгруппового доверия и межкультурных контактов среди представителей этнического меньшинства не проводилось.

Все вышеизложенное позволяет нам выдвинуть следующие гипотезы и исследовательский вопрос:

Гипотеза 1. Ценности **Открытости изменениям** будут позитивно взаимосвязаны с межкультурными контактами и межгрупповым доверием у русского этнического меньшинства в республиках Северного Кавказа.

Гипотеза 2. Ценности **Сохранения** будут негативно взаимосвязаны с межкультурными контактами и межгрупповым доверием у русского этнического меньшинства в республиках Северного Кавказа.

Гипотеза 3. Ценности **Самопреодоления** будут позитивно взаимосвязаны с межкультурными контактами и межгрупповым доверием у русского этнического меньшинства в республиках Северного Кавказа.

В отношении ценностей **Самоутверждения** мы сформулировали *второй исследовательский вопрос*: каковы взаимосвязи этих ценностей с межкультурными контактами и межгрупповым доверием у русского этнического меньшинства в республиках Северного Кавказа?

Как показывают исследования, межкультурная дружба является важным показателем межгруппового доверия, поскольку она может предоставить конкретные диагностические данные, необходимые для построения доверия [34]. Исследования, проведенные в 21 европейской стране, демонстрируют, что генерализованное доверие представителей этнического большинства позитивно взаимосвязано с межгрупповыми дружескими контактами [49]. Исследование, проведенное в Северной Ирландии, показало, что межгрупповая дружба способствует межгрупповому доверию [33]. В исследованиях отмечается, что люди с высоким уровнем доверия имеют более позитивные социальные межкультурные контакты, способны налаживать эффективные отношения с окружающими [10; 23; 25].

С другой стороны, исследования показывают, что доверие позволяет человеку рассматривать большее количество других индивидов как представителей ингруппы, что, в свою очередь, облегчает процесс межкультурного взаимодействия (с представителями аутгрупп) [24]. Можно сказать, что данный процесс является двусторонним: межкультурные контакты помогают поддерживать доверие, а доверие помогает индивиду строить социальные отношения [40].

Также было установлено, что доверие опосредует позитивное влияние межгрупповых контактов на поведение внутри группы в конфликтных ситуациях в таких странах, как Северная Ирландия и Израиль [36; 47; 48]. Кроме этого, ис-

следователи отмечают, что в обществах, где затруднены межкультурные контакты в силу конфликтов (Кипр, Северная Ирландия), доверие может выступать медиатором взаимосвязи межгрупповых контактов с предрассудками [37].

Однако, как показывает обзор, исследований, в которых изучались бы доверие и межкультурные контакты у представителей этнического меньшинства, длительное время живущих вместе с этническим большинством на одной территории и не находящихся с ним в открытом конфликте, не проводилось. Можно предположить, что в таких обществах межкультурные контакты не только помогают поддерживать доверие, но и могут усиливать воздействие ценностей на межгрупповое доверие.

На основе вышеизложенного мы сформулировали гипотезу и исследовательский вопрос:

Гипотеза 4. Межкультурные дружеские контакты русского этнического меньшинства будут способствовать их межгрупповому доверию в республиках Северного Кавказа.

Третий исследовательский вопрос: какова модерационная роль межкультурных контактов во взаимосвязи ценностей и межгруппового доверия у русских в РСО-А и КБР.

Цель данного исследования — внести вклад в понимание взаимосвязи таких социально-психологических факторов, как ценности и межкультурные контакты, с межгрупповым доверием русского этнического меньшинства в РСО-А и КБР.

Методы

Участники исследования. В исследовании приняли участие русские, про-

живающие в двух республиках Северного Кавказа (РСО-А, КБР). Общая выборка составила $N=593$ респондента. В выборку вошли: в РСО-А $N=291$ (29% муж; $\min_{\text{возраст}}=15$, $\max_{\text{возраст}}=91$; $M=44,6$; $SD=22,10$; неполное среднее образование=13%, среднее=18%, среднее специальное=23%, высшее=46%), в КБР $N=302$ (36% муж; $\min_{\text{возраст}}=15$, $\max_{\text{возраст}}=90$; $M=42,7$; $SD=21,60$; неполное среднее образование=11%, среднее=19%, среднее специальное=44%, высшее=26%).

Процедура исследования. Сбор данных проводился сотрудниками Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ в городах и селах РСО-А и КБР, где компактно проживают русские. Использовалась техника снежного кома. Исследование проводилось на базе школ и университетов. Студентов и старшеклассников просили заполнить опросник самостоятельно, а также распространить его среди своих друзей, знакомых и родителей. Заполненные опросники возвращались организаторам исследования. Вознаграждение не предполагалось.

Инструментарий исследования. Для проведения исследования были использованы следующие шкалы.

Ценности. Опросник Шварца PVQ-R [14] включает 57 утверждений. Респонденты должны были оценить каждое из утверждений по шестибальной шкале, в зависимости от того, в какой степени описанный человек похож на него самого (например, «Защищать слабых и уязвимых людей в обществе важно для него», для ценности Универсализм — забота о других). 19 ценностей объединялись в блоки ценностей более высокого уровня: **Открытость изменениям, Самоутверждение, Сохранение и Самопреодоление.** Мы провели проверку шкал ценностей

более высокого порядка для каждой выборки, используя коэффициент α -Кронбаха, а также конфирматорный факторный анализ (CFA). Для РСО-А: **Открытость изменениям** — $\alpha=0,76$; $\chi^2(df)=5$, CFI=1,00, RMSEA=0,001; **Самоутверждение** — $\alpha=0,78$; $\chi^2(df)=1,1$, CFI=0,999, RMSEA=0,019; **Сохранение** — $\alpha=0,84$; $\chi^2(df)=3,0$, CFI=0,954, RMSEA=0,090; **Самопреодоление** — $\alpha=0,87$; $\chi^2(df)=4,0$, CFI=.895, RMSEA=0,202. Для КБР: **Открытость изменениям** — $\alpha=0,78$; $\chi^2(df)=1,0$, CFI=1,00, RMSEA=.001; **Самоутверждение** — $\alpha=0,78$; $\chi^2(df)=3,0$, CFI=0,919, RMSEA=0,112; **Сохранение** — $\alpha=0,84$; $\chi^2(df)=3,0$, CFI=0,966, RMSEA=0,103; **Самопреодоление** — $\alpha=0,87$; $\chi^2(df)=3,0$, CFI=0,968, RMSEA=0,092. Полученные данные позволяют говорить о согласованности вопросов для каждого блока ценностей.

Межгрупповое доверие. Использовалась шкала доверия Ямагиши (Yamagishi), включающая 3 вопроса. Например, «Я доверяю людям других национальностей» [53]. Абсолютно согласен — 1 балл, абсолютно согласен — 5 баллов. Для РСО-А — $\alpha=0,83$; $\chi^2(df)=3,0$, CFI=0,996, RMSEA=0,094; Для КБР — $\alpha=0,87$; $\chi^2(df)=3,0$, CFI=0,998, RMSEA=0,097.

Межкультурные контакты. Мы использовали шкалу из опросника проекта MIRIPS, переведенную и адаптированную на русский язык [7]. Данная шкала включает 2 вопроса: «Сколько у Вас близких друзей другой национальности?» и «Как часто Вы встречаетесь с близкими друзьями другой национальности?». Для РСО-А — $\alpha=0,77$. Для КБР — $\alpha=0,89$.

Социально-демографические характеристики. Мы исследовали пол, возраст, образование и этническую принадлежность респондентов.

Математико-статистическая обработка данных. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 22.0 с приложением AMOS 22.0. Применялись следующие методы: для измерения различий использовался многомерный дисперсионный анализ (MANOVA), для оценки надежности и согласованности шкал использовался показатель надежности коэффициент α -Кронбаха, конфирматорный факторный анализ (CFA). Для проверки гипотез использовался метод моделирования структурными уравнениями (SEM), для анализа модерации пакет PROCESS v3.4 [27].

Результаты

Сравнение средних значений

На первом этапе исследования мы сравнили средние значения всех переменных в двух выборках (РСО-А и КБР). Сравнительный анализ выраженности переменных у русских в двух регионах с использованием MANOVA, где ценности высокого порядка, межгрупповое доверие и межкультурные контакты были зависимыми переменными, а регион — независимой переменной, показал значимость различий: Wilks's $\Lambda=0,961$, $F(6,577)=3,899$, $p \leq 0,001$, $\eta^2=0,039$. ANOVA по отдельным переменным показал, что значимые различия существуют в выраженности ценностей **Самоутверждения** (наиболее выражены у русских КБР в сравнении с русскими РСО-А) и **Самопреодоления** (наиболее выражены у русских РСО-А в сравнении с русскими КБР), в выраженности межгруппового доверия и интенсивности межкультурных контактов (наибольшие показатели у русских РСО-А в сравнении с русскими КБР) (табл. 1).

Результаты моделирования структурными уравнениями

Первоначально мы провели мультигрупповой анализ для двух выборок — русских в РСО-А и КБР. Результаты показали, что для всех моделей $\Delta CFI > .01$, что свидетельствует об отсутствии инвариантности [32]. Исходя из этого, дальнейший анализ проводился отдельно для русских двух регионов. Для проверки выдвинутых гипотез и ответа на исследовательские вопросы мы проанализировали взаимосвязи ценностей более высокого порядка, межкультурных контактов и межгруппового доверия с помощью путевой модели сначала на выборке русских в РСО-А (рис. 1). В табл. 2 представлены показатели моделей для РСО-А и КБР. Все индексы соответствуют предъявляемым требованиям [32] (влияние пола и возраста контролировалось, эффекты статистически не значимы, поэтому в моделях мы их не указывали).

Результаты, представленные на рис. 1, показывают, что у русских в РСО-А ценности **Открытости изменениям** и **Сохранения** позитивно взаимосвязаны с межкультурными контактами, а ценности **Самоутверждения** — отрицательно. Связь между ценностями **Самопреодоления** и межкультурными контактами была незначимой. Межкультурные контакты имели позитивную значимую взаимосвязь с межгрупповым доверием. Все исследуемые у русских в РСО-А ценности не имели прямых значимых взаимосвязей с межгрупповым доверием. Однако мы выявили медиативную роль межкультурных контактов во взаимосвязи ценностей и межгруппового доверия. Результаты анализа показали, что непрямой медиативный эффект (полная медиация) межкультурных контактов был значим для взаимосвязи ценностей **Открытости изменениям** ($\beta=0,68$; $p \leq 0,05$), **Самоутверждения** ($\beta=-0,14$; $p \leq 0,05$),

Таблица 1
Результаты сравнения средних значений всех переменных у русских в РСО-А и КБР

№ п/п	Переменные	РСО-А		КБР		F(6,590)	Partial η^2
		M	SD	M	SD		
1	Ценности Открытости изменениям	3,89	0,49	3,90	0,34	0,099	0,000
2	Ценности Самоутверждения	3,55	0,62	3,69	0,58	7,595**	0,013
3	Ценности Сохранения	4,20	0,42	4,14	0,32	2,975	0,005
4	Ценности Самопреодоления	4,22	0,36	4,16	0,33	3,632*	0,006
5	Межгрупповое доверие	3,53	1,05	3,33	1,06	5,171*	0,009
6	Межкультурные контакты	3,62	1,03	3,31	1,01	12,279***	0,021

Примечания: M — среднее значение, SD — стандартное отклонение; * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$.

Таблица 2
Показатели индексов пригодности путевых моделей

Модели	χ^2/df	CFI	RMSEA	PCLOSE
Русские РСО-А	2,7	0,971	0,080	0,231
Русские КБР	3,0	0,949	0,081	0,316

Сохранения ($\beta=0,56$; $p=0,35$) с межгрупповым доверием.

Также, отвечая на наш третий исследовательский вопрос, мы провели анализ модерационной роли межкультурных контактов во взаимосвязи ценностей и межгруппового доверия у русских в РСО-А. Данные обрабатывались при помощи регрессионного анализа с дополнительным анализом модерации. На рис. 2 представлена модель, характеризующая связь ценностей с межгрупповым доверием при учете модерационного эффекта межкультурных контактов. Представленная модель (на рисунке представлены не стандартизированные коэффициенты) является статистически значимой ($F=9,55$; $p \leq 0,001$) и показывает, что при учете и предиктора, и модератора объясняется 31% дисперсии межгруппового доверия. Модерационный эффект межкультурных контактов является статистически значимым и положительным. На рис. 2 представлены модерационные эффекты.

При помощи модуля Process респонденты были разделены на 3 категории: с низким в выборке уровнем межгрупповых контактов (2,5), со средним уровнем (4,0) и с высоким (4,5). На рис. 3 можно видеть, как у русских с разным уровнем межкультурных контактов связаны ценности **Открытости изменениям** с межгрупповым доверием. С понижением интенсивности межкультурных контактов связь ценностей **Открытости изменениям** с межгрупповым доверием становится отрицательной (но статистически незначимой), и напротив, с повышением интенсивности межкультурных контактов связь становится значимой и положительной.

Результаты, представленные в табл. 3, подтверждают данный вывод.

Эти результаты позволяют говорить о том, что ценности **Открытости изменениям** у русских как этнического меньшинства в РСО-А напрямую не приводят к межгрупповому доверию, это

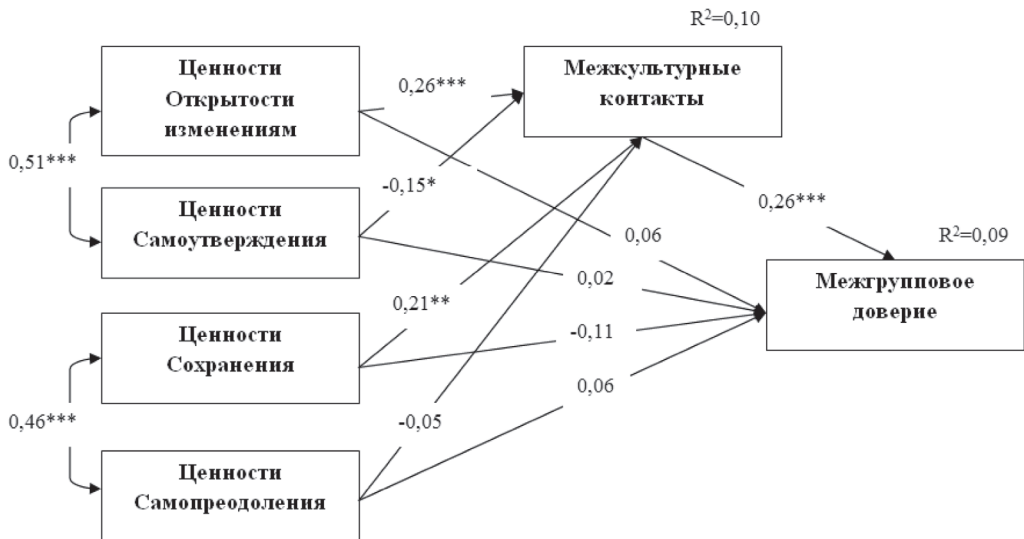

Рис. 1. Путьевая модель взаимосвязи ценностей, межкультурных контактов и межгруппового доверия русских в РСО-А

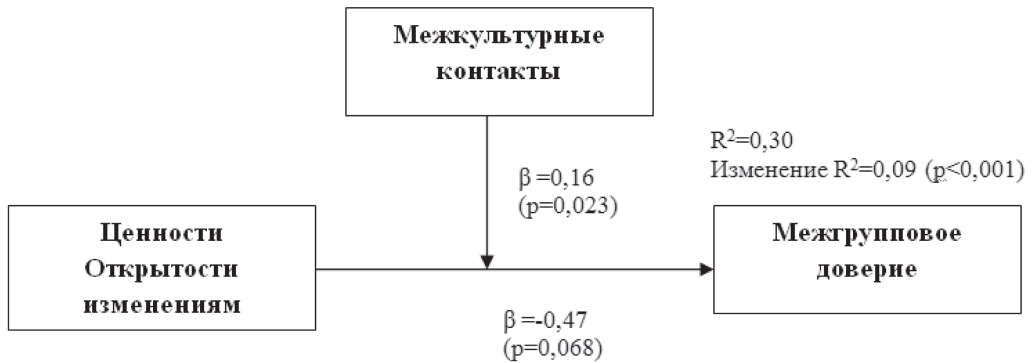

Рис. 2. Межкультурные контакты как модератор связи ценностей Открытости изменениям и межгруппового доверия у русских в РСО-А

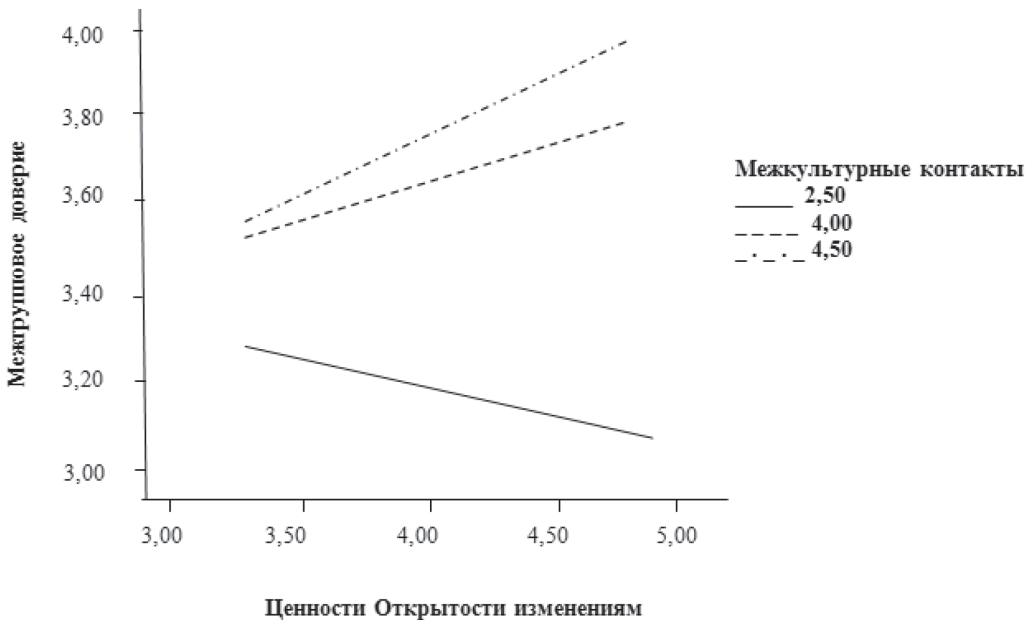

Рис. 3. Интеракция между ценностями Открытости изменениям и межкультурными контактами при предсказании межгруппового доверия у русских в РСО-А

происходит лишь при условии интенсивных межкультурных контактов русских. Возможно, интенсивно общаясь, взаимодействуя с осетинами и представителями других этнических групп, русские «диагностируют ситуацию», приобретают

опыт, который позволяет им реализовывать ценности **Открытости изменениям** (например, Самостоятельность мысли, Самостоятельность действий), что в целом приводит к повышению доверия к другим группам. То есть межкультурные

контакты являются очень важным ресурсом для межгруппового доверия в поликультурной Осетии.

Проведенный анализ модерационной роли межкультурных контактов в отношении взаимосвязи ценностей **Самоутверждения**, **Сохранения** и **Самопреодоления** показал, что модели не значимы.

Далее мы провели анализ на выборке русских КБР. Результаты структурного моделирования представлены на рис. 4.

Результаты показывают, что только ценности **Самоутверждения** позитивно взаимосвязаны с межкультурными контактами русских в КБР. Межкультур-

ные контакты также положительно взаимосвязаны с межгрупповым доверием. Мы также выявили прямой и непрямой эффекты ценностей **Самоутверждения** с межгрупповым доверием: существует отрицательная прямая взаимосвязь ценностей **Самоутверждения** с межгрупповым доверием и позитивная связь ($\beta=0,062$; $p\leq 0,05$) через межкультурные контакты (частичная медиация).

Анализ модерационной роли межкультурных контактов во взаимосвязи ценностей и межгруппового доверия у русских в КБР показал, что только модель, где ценности **Самоутверждения**

Таблица 3

Связь между ценностями Открытости изменениям и межгрупповым доверием в зависимости от уровня межкультурных контактов русских в РСО-А

Межкультурные контакты	β	SE	t	p
2,5	-0,074	0,11	-0,69	0,48
4,0	0,16	0,09	1,86	0,06
4,5	0,24	0,11	2,29	0,02

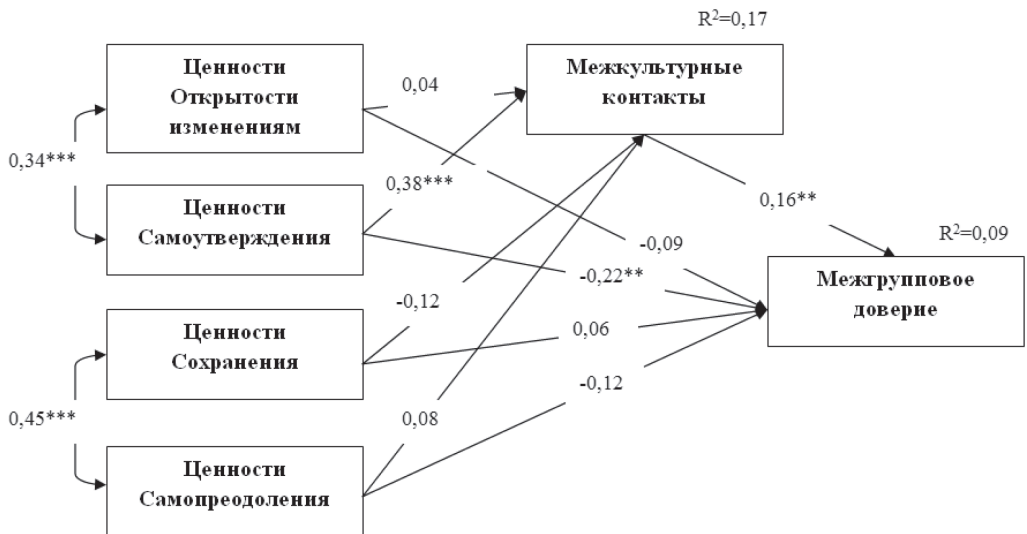

Рис. 4. Путевая модель взаимосвязи ценностей, межкультурных контактов и межгруппового доверия русских в КБР

являются предиктором, межгрупповое доверие — ауткамом, а межкультурные контакты — модератором, являлась статистически значимой ($F=6,72$; $p \leq 0,001$), объясняет 26% дисперсии межгруппового доверия (анализ модерационной роли межкультурных контактов в отношении взаимосвязи ценностей **Открытости изменениям**, **Сохранения** и **Самопреодоления** с межгрупповым доверием показал, что модели не значимы). Модерационный эффект межкультурных контактов являлся статистически значимым и отрицательным (рис. 5).

При помощи модуля Process респонденты были разделены на 3 категории: с низким в выборке уровнем межгрупповых контактов (2,25), со средним уровнем (3,5) и с высоким (4,5).

На рис. 6 можно видеть, как у русских с разным уровнем межкультурных контактов связаны ценности **Самоутверждения** с межгрупповым доверием. С повышением интенсивности межкультурных контактов связь ценностей **Самоутверждения** с межгрупповым доверием становится значимо отрицательной, и напротив, с понижением интенсивности межкультурных контактов связь становится незначимой. Результа-

ты, представленные в табл. 4, подтверждают данный вывод.

Эти результаты позволяют говорить о том, что ценности **Самоутверждения** у русских как этнического меньшинства в КБР не приводят к межгрупповому доверию. Более того, при условии интенсивных межкультурных контактов русских с представителями этнического большинства (кабардинцами и балкарцами) отрицательный эффект этих ценностей на межгрупповое доверие усиливается. То есть можно сказать, что при интенсивном общении с представителями других культур ценности, ориентированные на личные достижения, власть, препятствуют формированию у русских в КБР доверия к другим группам. При снижении интенсивности контактов эффект остается прежним, но становится статистически не значим.

Таким образом, мы можем сказать, что для русских в РСО-А и КБР существуют разные механизмы взаимосвязи ценностей, межкультурных контактов и межгруппового доверия: в РСО-А ценности **Открытости изменениям** при условии интенсивных межкультурных дружеских контактов приводят к повышению межгруппового доверия, в КБР

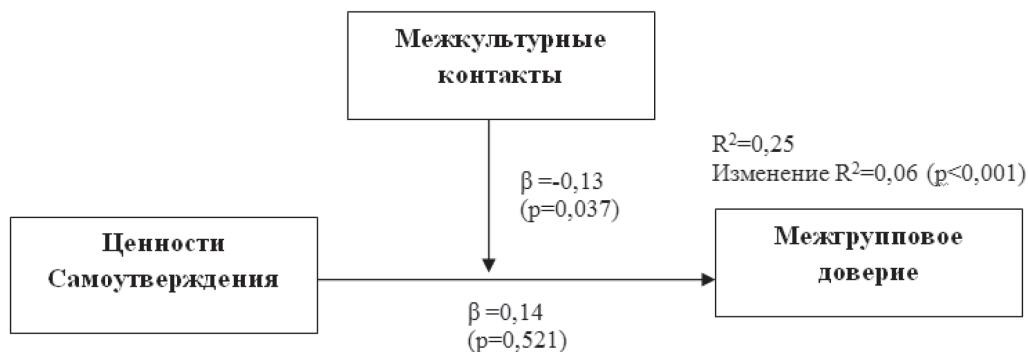

Рис. 5. Межкультурные контакты как модератор связи ценностей Самоутверждения и межгруппового доверия у русских в КБР

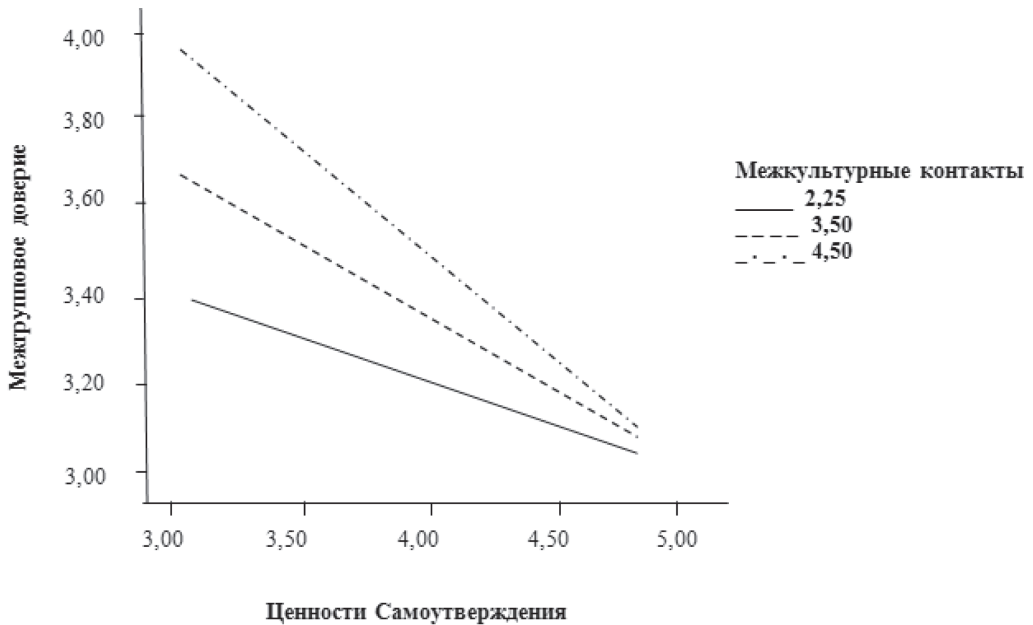

Рис. 6. Интеракция между ценностями Самоутверждения и межкультурными контактами при предсказании межгруппового доверия у русских в КБР

Таблица 4

Связь между ценностями Самоутверждения и межгрупповым доверием в зависимости от уровня межкультурных контактов русских в КБР

Межкультурные контакты	β	SE	t	p
2,25	-0,15	0,10	-1,58	0,11
3,5	-0,32	0,08	-4,12	0,000
4,5	-0,45	0,11	-4,14	0,000

ценности **Самоутверждения** при условии интенсивных межкультурных дружеских контактов приводят к снижению межгруппового доверия.

Обсуждение результатов

В целом результаты показали, что у русских в РСО-А в сравнении с русскими в КБР ценности **Самоутверждения** наименее выражены, а ценности **Само-**

преодоления — наиболее выражены. Также у русских РСО-А межгрупповое доверие и межкультурные контакты имеют наибольшие средние значения в сравнении с русскими КБР.

Результаты моделирования структурными уравнениями позволили проверить наши гипотезы и ответить на исследовательские вопросы. В РСО-А мы установили, что ни один из блоков ценностей не имеет значимого прямого эффекта на межгрупповое доверие. При

этом ценности **Открытости изменениям** и **Сохранения** позитивно, а ценности **Самоутверждения** негативно взаимосвязаны с межкультурными контактами. Также мы нашли, что ценности **Открытости изменениям**, **Сохранения** имеют положительное влияние, а ценности **Самоутверждения** — отрицательное влияние на межгрупповое доверие через межкультурные контакты. Здесь мы выявили полную медиацию. Мы можем сказать, что наша первая гипотеза о том, что ценности **Открытости изменениям** позитивно взаимосвязаны с межкультурными контактами и межгрупповым доверием, подтвердилась частично на выборке русских в РСО-А. Можно сказать, что ценности, связанные с открытостью новому, в РСО-А способствуют межгрупповому доверию русских только через их межкультурные контакты. Это отчасти подтверждается результатами ранее проведенных исследований [19; 55].

Мы установили, что ценности **Сохранения**, связанные с традицией, безопасностью, позитивно взаимосвязаны с межкультурными контактами и способствуют межгрупповому доверию, но только через межгрупповые контакты. Эти результаты несколько отличаются от ранее проведенных исследований [32; 55]. Наши данные опровергают вторую гипотезу и демонстрируют, что ценности **Сохранения** могут способствовать, а не препятствовать межгрупповому доверию в обществе, но только через интенсивные межкультурные контакты русских. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что русские и осетины воспринимают друг друга как достаточно близкие культуры [2], также русские отмечают позитивный характер межкультурных отношений в республике [3], что может приводить к тому, что ценности **Сохранения** как способствуют межкультурным

контактам, так и опосредованно (через эти контакты) приводят к межгрупповому доверию.

Наша третья гипотеза не была подтверждена в РСО-А. Ценности **Самопреодоления** не были взаимосвязаны с межкультурными контактами и межгрупповым доверием. Наши данные отличаются от ранее представленных [19]. Возможно, это связано с тем, что ранее проведенные исследования касались представителей этнического большинства, а для этнического меньшинства роль этих ценностей не так значима.

Отвечая на наш второй исследовательский вопрос о взаимосвязи ценностей **Самоутверждения** с межгрупповым доверием и межкультурными контактами, мы установили, что ценности **Самоутверждения** напрямую не связаны с межгрупповым доверием и имеют отрицательную взаимосвязь с межкультурными дружескими контактами. Также мы выявили, что ценности **Самоутверждения** отрицательно взаимосвязаны с межгрупповым доверием русских в РСО-А, но только через межкультурные контакты.

В КБР наша первая, вторая и третья гипотезы не подтвердились, то есть ценности **Открытости изменениям**, **Сохранения** и **Самопреодоления** не имеют значимых взаимосвязей с межгрупповым доверием и межкультурными контактами русских. Отвечая на второй исследовательский вопрос, мы установили, что в КБР у русских ценности **Самоутверждения** положительно взаимосвязаны с межкультурными контактами и имеют как прямой, так и непрямой (через межкультурные контакты) отрицательный эффект на межгрупповое доверие. То есть значимость ценностей, связанных с личными достижениями, властью, не способствует межгрупповому доверию,

при этом межкультурные контакты усиливают отрицательный эффект. Эти результаты отличаются от данных, полученных в РСО-А, что позволяет говорить о том, что социокультурный контекст (этнический и религиозный состав, характер межэтнических отношений и др.) может оказывать влияние как на значимость определенных ценностей, так и на их влияние на межгрупповое доверие. При этом важную роль играют межкультурные контакты, которые могут как усиливать, так и снижать это влияние.

Результаты нашего исследования показали, что у русских в КБР и РСО-А существует положительная взаимосвязь межкультурных контактов и межгруппового доверия. Эта взаимосвязь является универсальной. Таким образом, наша четвертая гипотеза полностью подтвердилась на двух выборках.

Кроме этого, мы проанализировали модерационную роль межгрупповых контактов во взаимосвязи ценностей высокого порядка и межгруппового доверия (третий исследовательский вопрос). Результаты продемонстрировали, что в РСО-А интенсивные межкультурные контакты являются условием, при котором ценности **Открытости изменениям** способствуют формированию у русских межгруппового доверия. То есть можно сказать, что у русских, интенсивно общающихся с осетинами, ценности, связанные с ориентацией на самостоятельность, независимость, открытость новому, будут способствовать межгрупповому доверию. Если русские не имеют интенсивных контактов с представителями этнического большинства, то, напротив, их ценности **Открытости изменениям** будут снижать межгрупповое доверие.

В КБР мы установили, что межкультурные контакты усиливают отрица-

тельную взаимосвязь между ценностями **Самоутверждения** и межгрупповым доверием (похожий эффект мы нашли при изучении медиации). То есть можно сказать, что у русских, интенсивно взаимодействующих с кабардинцами и балкарцами, ценности, связанные с личными достижениями, властью, не способствуют межгрупповому доверию. Снижение таких контактов делает эту связь незначимой.

Заключение и выводы

Данное исследование позволило выявить роль ценностей и межкультурных контактов в межгрупповом доверии русских, проживающих в двух поликультурных регионах России — РСО-А и КБР. Также мы проанализировали модерационную роль межкультурных контактов, которые являются условием, усиливающим или ослабляющим влияние ценностей на межгрупповое доверие. В целом мы выявили, что у русских в РСО-А и КБР разные ценности обуславливают повышение/снижение межгруппового доверия, что может объясняться особенностями социокультурного контекста данных республик. Например, в РСО-А, характеризующейся благоприятным отношением осетин к русским [9], общей религиозной принадлежностью русских и большинства осетин, у русских при интенсивных межкультурных контактах повышению межгруппового доверия способствуют ценности **Открытости изменениям**. То есть в комфортной ситуации межкультурного взаимодействия и в близком религиозном контексте если русские интенсивно общаются с представителями доминирующей этнической группы, то ценности, ориентированные на самостоятельность мысли и действий, открытость русских

всему новому, повышают их доверие к другим группам. В КБР, где существует латентная межэтническая напряженность [13], кроме этого, для русских — это ино-религиозный контекст, при интенсивных межкультурных контактах ценности **Самоутверждения** будут снижать межгрупповое доверие. Можно сказать, что в ситуации культурно далекого контекста при наличии межэтнической напряженности если русские интенсивно общаются с представителями доминирующих этнических групп, то их ценности достижения, власти, репутации будут снижать межгрупповое доверие. Полученные результаты позволили сформулировать ряд общих выводов.

1. В РСО-А ценности **Открытости изменениям**, **Сохранения** имеют положительное влияние, а ценности **Самоутверждения** — отрицательное влияние на межгрупповое доверие только через межкультурные контакты. В КБР ценности **Самоутверждения** имеют как прямой, так и непрямой (через межкультурные контакты) отрицательный эффект на межгрупповое доверие.

2. У русских в РСО-А ценности **Открытости изменениям** и **Сохранения** положительно взаимосвязаны с межкультурными контактами, а ценности **Самоутверждения** — отрицательно. В КБР, напротив, ценности **Самоутверждения** имеют позитивную взаимосвязь с межкультурными контактами.

3. У русских в КБР и РСО-А существует положительная взаимосвязь меж-

культурных контактов и межгруппового доверия.

4. В РСО-А интенсивные межкультурные контакты русских являются модератором, обуславливающим положительную взаимосвязь ценностей **Открытости изменениям** и межгруппового доверия. В КБР межкультурные контакты являются модератором отрицательной взаимосвязи между ценностями **Самоутверждения** и межгрупповым доверием.

Результаты данного исследования помогают понять механизмы взаимосвязи ценностей и межгруппового доверия при учете межкультурных контактов и демонстрируют значимую роль социокультурного контекста в этом процессе. Полученные данные могут помочь специалистам, занимающимся проблемами межгруппового доверия в обществе, управлять им, поддерживая политику повышения/понижения межкультурных контактов.

Ограничения исследования

Данное исследование имеет ограничения, обусловленные тем, что мы изучали только русское этническое меньшинство, а его статус имеет двойственную природу, поскольку на уровне страны русские являются этническим большинством, а на уровне республик — этническим меньшинством. Полученные результаты нуждаются в проверке на других выборках и в других регионах.

Литература

1. Галушак Д.В. К анализу этнических особенностей кабардинцев, балкарцев и русских [Электронный ресурс] // Известия Южного федерального университета. Психологические науки. 2005. С. 76–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-analizu-etnicheskih-osobennostey-kabardintsev-balkartsev-i-russkih-2> (дата обращения: 12.04.2017).
2. Гуцунаева С.В. Стратегии межэтнического взаимодействия осетин и русских, проживающих в республике Северная Осетия — Алания: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2010. 21 с.

3. Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа и пути их решения. М.: Фонд перспективных исследований «Бастион», 2012. 129 с.
4. Денисова Г.С., Уланов И.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет, 2003. 234 с.
5. Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН. 2003. № 4. С. 79–85.
6. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в 11 Т. Т. 11. Сводные итоги всероссийской переписи населения. М., 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html (дата обращения: 12.04.2017).
7. Лебедева Н.М. Этнопсихология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 508–546. 420 с.
8. Павленко О. «Национальное государство» и «этническое меньшинство»: проблемы соотношения обзор современной зарубежной историографии. 1998. С. 175–192. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_1235142/ (дата обращения: 20.04.2020).
9. Синанов Б.А. Оценка современного состояния межэтнических отношений в республике Северная Осетия – Алания (по материалам экспертного опроса) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23634> (дата обращения: 20.04.2020).
10. Татарко А.Н. Взаимосвязь доверия с аккультурационными установками (на примере украинцев в России и русских в Латвии) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 76–84. DOI:10.17759/chp.2016120108
11. Татарко А.Н., Лепшикова З.Х., Дубров Д.И. Доверие как модератор связи отношения к этническому многообразию и аккультурационных ожиданий принимающего населения // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 1. С. 92–114. DOI:10.17759/sps.2019100106
12. Тишков В.А. Меньшинство этническое [Электронный ресурс] // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 617. URL: <https://terme.ru/termin/menshinstvo-etnicheskoe.html> (дата обращения: 17.04.2020).
13. Тхагазитов Ю.М., Шаожева Н.А. К проблеме прогнозирования межэтнических конфликтов на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-prognozirovaniya-mezhetnicheskih-konfliktov-na-severnom-kavkaze> (дата обращения: 17.04.2020).
14. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
15. Bilodeau A., Whitec S. Trust among recent immigrants in Canada: levels, roots and implications for immigrant integration // Journal of ethnic and migration studies. 2016. Vol. 42(8). P. 1317–1333. DOI:10.1080/1369183X.2015.1093411
16. Čehajić S., Brown R., Castano E. Forgive and forget? Antecedents and consequences of intergroup forgiveness in Bosnia and Herzegovina // Political Psychology. 2008. Vol. 3. P. 351–362. DOI:10.2307/20447126
17. Cook K.S. Trust in Society. New York: Russell Sage Foundation Publications, 2001.
18. Cook K.S., Yamagishi T., Cheshire C., Cooper R., Matsuda M., Mashima R. Trust Building via Risk Taking: A Cross-societal Experiment // Social Psychology Quarterly. 2005. Vol. 68. P. 121–42.
19. Davidov E., Meuleman B., Billiet J., Schmidt P. Values and support for immigration: a cross-country comparison // Eur. Sociol. Rev. 2008. Vol. 24(5). P. 583–599.
20. Dinesen P.T. Where You Come From or Where You Live? Examining the Cultural and Institutional Explanation of Generalized Trust Using Migration as a Natural Experiment // European Sociological Review. 2013. Vol. 29. P. 114–28.

21. *Dinesen P.T., Sønderskov K.M.* Ethnic diversity and social trust. A critical review of the literature and suggestions for a research agenda / In Uslander (Hg.) (Ed.) // *The Oxford Handbook on Social and Political Trust*. Oxford University Press, 2018.
22. *Doerschler P., Jackson P.I.* Do Muslims in Germany Really Fail to Integrate? Muslim Integration and Trust in Public Institutions // *Journal of International Migration and Integration*. 2012. Vol. 13. P. 503–23.
23. *Ferrin D.L., Bligh M.C., Kohles J.C.* Can I Trust You to Trust Me? A Theory of Trust, Monitoring, and Cooperation in Interpersonal and Intergroup Relationships // *Group & Organization Management*. 2007. Vol. 32(4). P. 465–499.
24. *Flanagan C.* Trust, Identity, and Civic Hope // *Applied Developmental Science*. 2003. Vol. 7(3). P. 165–171.
25. *Guenzi P., Georges L.* Interpersonal trust in commercial relationships: Antecedents and consequences of customer trust in the salesperson // *European Journal of Marketing*. 2010. Vol. 44(1/2). P. 114–138.
26. *Hardin R.* Trust and Trustworthiness. New York: Russell Sage Foundation, 2002.
27. *Hayes A.F.* Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach. N.Y.: Guilford Publications, 2013. 507 p.
28. *Heckmann F.* Ethnischen Minderheiten, Voile und Nation. Frankfurt am Main., 1992. P. 8–56.
29. *Hellivell J.F., Wang S.* Trust and Well-Being // Working Paper. National Bureau of Economic Research. 2010. Vol. 15911.
30. *Hooghe M., Reeskens T., Stolle D., Trappers A.* Ethnic diversity and generalized trust in Europe: a cross-national multilevel study // *Comp. Pol Stud*. 2009. Vol. 42(2). P. 198–223.
31. *Hu L.T., Bentler P.M.* Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives // *Structural Equation Modeling*. 1999. Vol. 6(1). P. 1–55.
32. *Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J.* Political conservatism as motivated social cognition // *Psychol. Bull*. 2003. Vol. 129(3). P. 339–352.
33. *Kenworthy J.B., Voci A., Ramiah A.A., Tausch N., Hughes J., Hewstone M.* Building Trust in a Postconflict Society: An Integrative Model of Cross-group Friendship and Intergroup Emotions // *Journal of Conflict Resolution*. 2016. Vol. 60(6). P. 1041–1070. DOI:10.1177/0022002714564427
34. *Kramer R.M., Carnevale P.J.* Trust and Intergroup Negotiation / In Brown R., Gaertner S. (Eds.) // *Blackwell Handbook of Social Psychology: Intergroup Processes*. Oxford, UK: Blackwell, 2001. P. 431–450.
35. *Ljunge M.* Trust Issues: Evidence on the Intergenerational Trust Transmission among Children of Immigrants // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2014. Vol. 106. P. 175–96.
36. *Maoz I., Ellis D.* Intergroup Communication as a Predictor of Jewish-Israeli Agreement with Integrative Solutions to the Israeli-Palestinian Conflict: The Mediating Effects of Outgroup Trust and Guilt // *Journal of Communication*. 2008. Vol. 58. P. 490–507.
37. *McKeown S., Psaltis C.* Intergroup Contact and the Mediating Role of Intergroup Trust on Outgroup Evaluation and Future Contact Intentions in Cyprus and Northern Ireland Peace and Conflict // *Journal of Peace Psychology*. 2017. Vol. 23(4). P. 392–404. DOI:10.1037/pac0000275
38. *Mewes J.* Inequality and Trust Re-Visited // Working Paper. 2012. June 16. URL: http://www.soc.umu.se/digitalAssets/103/103912_11_2012_mewes.pdf. (Accessed 20.11.2019).
39. *Molm L., Takahashi N., Peterson G.* Risk and Trust in Social Exchange: An Experimental Test of a Classical Proposition // *American Journal of Sociology*. 2000. Vol. 105. P. 1396–427.
40. *Putnam R.* Bowling alone: The collapse and revival of American community. N.Y.: Simon and Schuster, 2000. 544 p.
41. *Rotter J.B.* Generalized Expectancies for Interpersonal Trust // *American Psychologist*. 1971. Vol. 26. P. 443–52.

42. Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and readiness for out-group social contact // J. Pers. Soc. Psychol. 1995. Vol. 69(3). P. 437–448.
43. Sidanius J., Pratto F. Social Dominance: an Intergroup Theory of Social Hierarchy and Oppression. Cambridge university press, 1999.
44. Smith S.S. Race and Trust // Annual Review of Sociology. 2010. Vol. 36. P. 453–75.
45. Stolle D., Harell A. Social capital and ethno-racial diversity: learning to trust in an immigrant society // Polit. Stud. 2013. Vol. 61(1). P. 42–66.
46. Suppan A. Die osterreichischen Volksgruppen. Wien, 1983. P. 10–43.
47. Tam T., Hewstone M., Kenworthy J.B., Cairns E. Intergroup Trust in Northern Ireland // Personality and Social Psychology Bulletin. 2009. Vol. 35. P. 45–59.
48. Turner R.N., West K., Christie Z. Out-group trust, intergroup anxiety, and out-group attitude as mediators of the effect of imagined intergroup contact on intergroup behavioral tendencies // Journal of Applied Social Psychology. 2013. Vol. 43. P. E196–E205. DOI:10.1111/jasp.12019
49. Van der Linden M., Hooghe M., de Vroome T., Van Laar C. Extending trust to immigrants: Generalized trust, cross-group friendship and anti-immigrant sentiments in 21 // European societies PLoS One. 2017. Vol. 12(5). P. e0177369. Published online 2017. May 8. DOI:10.1371/journal.pone.0177369
50. Wilkes R., Wu C. Ethnicity, Democracy, Trust: A Majority-Minority Approach // Social Forces. 2018. Vol. 97(1). P. 465–494. DOI:10.1093/sf/soy027
51. Wilson H.F. Passing propinquities in the multicultural city: the everyday encounters of bus passengering // Environ. Plann. 2011. Vol. 43(3). P. 634–649.
52. Wu C., Wilkes R. Durable Power and Generalized Trust in Everyday Social Exchange // Proceedings of the National Academy of Sciences USA. 2016. Vol. 113(11). P. E1417.
53. Yamagishi T. Trust and Social Intelligence // The Evolutionary Game of Mind and Society. Tokyo: Tokyo University Press, 1998. P. 107–171.
54. Ziller C. Ethnic diversity, economic and cultural contexts, and social trust: cross-sectional and longitudinal evidence from european regions, 2002–2010 // Soc. Forces. 2015. Vol. 93(3). P. 1211–1240.
55. Ziller C., Wright M., Hewstone M. Immigration, social trust, and the moderating role of value contexts // Social Science Research. 2019. Vol. 79. P. 115–126.

References

1. Galushchak D.V. K analizu etnicheskikh osobennostey kabardintsev, balkartsev i russkikh [Elektronnyy resurs] [On the analysis of ethnic characteristics of Kabardians, Balkars and Russians]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Psikhologicheskiye nauki = Bulletin of the Southern Federal University. Psychological sciences*, 2005, pp. 76–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-analizu-etnicheskikh-osobennostey-kabardintsev-balkartsev-i-russkikh-2> (Accessed 12.04.2017). (In Russ.).
2. Gutsunayeva S.V. Strategii mezhetnicheskogo vzaimodeystviya osetin i russkikh, prozhivayushchikh v respublike Severnaya Osetiya – Alaniya. Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. [Strategies for interethnic interaction between Ossetians and Russians living in the Republic of North Ossetia-Alania. PhD (Psychology) Thesis]. Saint-Petersburg, 2010. 21 p. (In Russ.).
3. Demograficheskiye i etnicheskiye problemy Severnogo Kavkaza i puti ikh resheniya [Demographic and ethnic problems of the North Caucasus and ways to solve them]. Moscow: Fond perspektivnykh issledovaniy «Bastion», 2012. 129 p. (In Russ.).
4. Denisova G.S., Ulanov I.P. Russkiye na Severnom Kavkaze: analiz transformatsii sotsiokul'turnogo statusa [Russians in the North Caucasus: An Analysis of the Transformation of Sociocultural Status]. Rostov-on-Don: Yuzhnyy Federal'nyy universitet, 2003. 234 p. (In Russ.).
5. Zabolotnaya G.M. Fenomen doveriya i yego sotsial'nyye funktsii [The phenomenon of trust and its social functions]. *Vestnik RUDN = Bulletin of RUDN*, 2003, no 4, pp. 79-85. (In Russ.).

6. Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g. v 11 T. T. 11. Svodnyye itogi vserossiyskoy perepisi naseleniya [Elektronnyy resurs] [The results of the 2010 Russian Population Census at 11 T. T. 11. Summary of the Russian Population Census]. Moscow, 2012. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html (Accessed 12.04.2017). (In Russ.).
7. Lebedeva N.M. Etnopsikhologiya: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata [Ethnopsychology: textbook and workshop for academic baccalaureate]. Moscow: Yurayt Publ., 2014. pp. 508—546. 420 p. (In Russ.).
8. Pavlenko O. «Natsional'noye gosudarstvo» i «etnicheskoye men'shinstvo»: problemy sootnosheniya obzor sovremennoy zarubezhnoy istoriografii ["National state" and "ethnic minority": the problem of correlation review of modern foreign historiography], 1998, pp. 175—192. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_1235142/ (Accessed 20.04.2020). (In Russ.).
9. Sinanov B.A. Otsenka sovremennogo sostoyaniya mezhetnicheskikh otnosheniy v respublike Severnaya Osetiya — Alaniya (po materialam ekspertnogo oprosa) [Assessment of the current state of interethnic relations in the Republic of North Ossetia — Alania (based on the materials of an expert survey)]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*, 2015. Vol. 2-3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23634> (Accessed 20.04.2020) (In Russ.).
10. Tatarko A.N. Vzaimosvyaz' doveriya s akkul'turatsionnymi ustanovkami (na primere ukrainitsev v Rossii i russkikh v Latvii) [The relationship of trust with acculturation attitudes (for example, Ukrainians in Russia and Russians in Latvia)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 1, pp. 76—84. DOI:10.17759/chp.2016120108 (In Russ.).
11. Tatarko A.N., Lepshokova Z.Kh., Dubrov D.I. Doveriye kak moderator svyazi otnosheniya k etnicheskomu mnogoobraziyu i akkul'turatsionnykh ozhidaniy prinimayushchego naseleniya [Trust as a moderator of the relationship between ethnic diversity and acculturation expectations of the host population]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 1, pp. 92—114. DOI:10.17759/sps.2019100106 (In Russ.).
12. Tishkov V.A. Men'shinstvo etnicheskoye [Ethnic minority] Sotsiologicheskaya entsiklopediya [Sociological encyclopedia]: v 2 t. Moscow: Mysl., 2003. P. 617. URL: <https://terme.ru/termin/menshinstvo-etnicheskoe.html> (Accessed 17.04.2020). (In Russ.).
13. Tkhagazitov YU.M., Shaozheva N.A. K probleme prognozirovaniya mezhetnicheskikh konfliktov na Severnom Kavkaze [To the problem of forecasting interethnic conflicts in the North Caucasus]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki [Humanitarian, socio-economic and social sciences]*. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-prognozirovaniya-mezhetnicheskikh-konfliktov-na-severnom-kavkaze> (Accessed 17.04.2020). (In Russ.).
14. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostey: primeneniye v Rossii [Refined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 43—70. (In Russ.).
15. Bilodeau A., Whitec S. Trust among recent immigrants in Canada: levels, roots and implications for immigrant integration. *Journal of ethnic and migration studies*, 2016. Vol. 42, no. 8, pp. 1317—1333. DOI:10.1080/1369183X.2015.1093411
16. 'Cehaji'c S., Brown R., Castano E. Forgive and forget? Antecedents and consequences of intergroup forgiveness in Bosnia and Herzegovina. *Political Psychology*, 2008. Vol. 3, pp. 351—362. DOI:10.2307/20447126
17. Cook K.S. *Trust in Society*. New York: Russell Sage Foundation Publications, 2001.
18. Cook K.S., Yamagishi T., Cheshire C., Cooper R., Matsuda M., Mashima R. Trust Building via Risk Taking: A Cross-societal Experiment. *Social Psychology Quarterly*, 2005. Vol. 68, pp. 121—42.
19. Davidov E., Meuleman B., Billiet J., Schmidt P. Values and support for immigration: a cross-country comparison. *Eur. Sociol. Rev.*, 2008. Vol. 24(5), pp. 583—599.

20. Dinesen P.T. Where You Come From or Where You Live? Examining the Cultural and Institutional Explanation of Generalized Trust Using Migration as a Natural Experiment. *European Sociological Review*, 2013. Vol. 29, pp. 114–28.
21. Dinesen P.T., Sønderskov K.M. Ethnic diversity and social trust. A critical review of the literature and suggestions for a research agenda. In Uslaner (Hg.) (Ed.). *The Oxford Handbook on Social and Political Trust*. Oxford University Press, 2018.
22. Doerschler P., Jackson P.I. Do Muslims in Germany Really Fail to Integrate? Muslim Integration and Trust in Public Institutions. *Journal of International Migration and Integration*, 2012. Vol. 13, pp. 503–23.
23. Ferrin D.L., Bligh M.C., Kohles J.C. Can I Trust You to Trust Me? A Theory of Trust, Monitoring, and Cooperation in Interpersonal and Intergroup Relationships. *Group & Organization Management*, 2007. Vol. 32, no. 4, pp. 465–499.
24. Flanagan C. Trust, Identity, and Civic Hope. *Applied Developmental Science*, 2003. Vol. 7, no. 3, pp. 165–171.
25. Guenzi P., Georges L. Interpersonal trust in commercial relationships: Antecedents and consequences of customer trust in the salesperson. *European Journal of Marketing*, 2010. Vol. 44, no. 1/2, pp. 114–138.
26. Hardin R. *Trust and Trustworthiness*. New York: Russell Sage Foundation, 2002.
27. Hayes A.F. Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach. N.Y.: Guilford Publications, 2013. 507 p.
28. Heckmann F. *Ethnischen Minderheiten, Voile und Nation*. Frankfurt am Main., 1992. P. 8–56.
29. Helliwell J.F., Wang S. Trust and Well-Being. *Working Paper. National Bureau of Economic Research*, 2010. Vol. w15911.
30. Hooghe M., Reeskens T., Stolle D., Trappers A. Ethnic diversity and generalized trust in Europe: a cross-national multilevel study. *Comp. Pol Stud.*, 2009. Vol. 42, no. 2, pp. 198–223.
31. Hu L.T., Bentler P.M. Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives. *Structural Equation Modeling*, 1999. Vol. 6, no. 1, pp. 1–55.
32. Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J. Political conservatism as motivated social cognition. *Psychol. Bull.*, 2003. Vol. 129, no. 3, pp. 339–352.
33. Kenworthy J.B., Voci A., Ramiah A.A., Tausch N., Hughes J., Hewstone M. Building Trust in a Postconflict Society: An Integrative Model of Cross-group Friendship and Intergroup Emotions. *Journal of Conflict Resolution*, 2016. Vol. 60, no. 6, pp. 1041–1070. DOI:10.1177/0022002714564427
34. Kramer R.M., Carnevale P.J. Trust and Intergroup Negotiation / In Brown R., Gaertner S. (Eds). *Blackwell Handbook of Social Psychology: Intergroup Processes*. Oxford, UK: Blackwell, 2001, pp. 431–50.
35. Ljunge M. Trust Issues: Evidence on the Intergenerational Trust Transmission among Children of Immigrants. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2014. Vol. 106, pp. 175–96.
36. Maoz I., Ellis D. Intergroup Communication as a Predictor of Jewish-Israeli Agreement with Integrative Solutions to the Israeli-Palestinian Conflict: The Mediating Effects of Outgroup Trust and Guilt. *Journal of Communication*, 2008. Vol. 58, pp. 490–507.
37. McKeown S., Psaltis C. Intergroup Contact and the Mediating Role of Intergroup Trust on Outgroup Evaluation and Future Contact Intentions in Cyprus and Northern Ireland Peace and Conflict. *Journal of Peace Psychology*, 2017. Vol. 23, no. 4, pp. 392–404. DOI:10.1037/pac0000275)
38. Mewes J. Inequality and Trust Re-Visited. *Working Paper*, 2012. June 16. URL: http://www.soc.umu.se/digitalAssets/103/103912_11_2012_mewes.pdf. (Accessed 20.11.2019).
39. Molm L., Takahashi N., Peterson G. Risk and Trust in Social Exchange: An Experimental Test of a Classical Proposition. *American Journal of Sociology*, 2000. Vol. 105, pp. 1396–427.
40. Putnam R. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. N.Y.: Simon and Schuster, 2000. 544 p.

41. Rotter J.B. Generalized Expectancies for Interpersonal Trust. *American Psychologist*, 1971. Vol. 26, pp. 443–52.
42. Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and readiness for out-group social contact. *J. Pers. Soc. Psychol.*, 1995. Vol. 69, no. 3, pp. 437–448.
43. Sidanius J., Pratto F. Social Dominance: an Intergroup Theory of Social Hierarchy and Oppression. Cambridge university press, 1999.
44. Smith S.S. Race and Trust. *Annual Review of Sociology*, 2010. Vol. 36, pp. 453–75.
45. Stolle D., Harell A. Social capital and ethno-racial diversity: learning to trust in an immigrant society. *Polit. Stud.*, 2013. Vol. 61, no. 1, pp. 42–66.
46. Suppan A. Die osterreichischen Volksgruppen. Wien, 1983. P. 10–43.
47. Tam T., Hewstone M., Kenworthy J.B., Cairns E. Intergroup Trust in Northern Ireland. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2009. Vol. 35, pp. 45–59.
48. Turner R.N., West K., Christie Z. Out-group trust, intergroup anxiety, and out-group attitude as mediators of the effect of imagined intergroup contact on intergroup behavioral tendencies. *Journal of Applied Social Psychology*, 2013. Vol. 43, pp. E196–E205. DOI:10.1111/jasp.12019
49. Van der Linden M., Hooghe M., de Vroome T., Van Laar C. Extending trust to immigrants: Generalized trust, cross-group friendship and anti-immigrant sentiments in 21. *European societies PLoS One*, 2017. Vol. 12, no. 5, pp. e0177369. Published online 2017. May 8. DOI:10.1371/journal.pone.0177369
50. Wilkes R., Wu C. Ethnicity, Democracy, Trust: A Majority-Minority Approach. *Social Forces*, 2018. Vol. 97, no. 1, pp. 465–494. DOI:10.1093/sf/soy027
51. Wilson H.F. Passing propinquities in the multicultural city: the everyday encounters of bus passengering. *Environ. Plann.*, 2011. Vol. 43, no. 3, pp. 634–649.
52. Wu C., Wilkes R. Durable Power and Generalized Trust in Everyday Social Exchange. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*, 2016. Vol. 113, no. 11, pp. E1417.
53. Yamagishi T. Trust and Social Intelligence. The Evolutionary Game of Mind and Society / Yamagishi T. (Ed.). Tokyo: Tokyo University Press, 1998. P. 107–171.
54. Ziller C. Ethnic diversity, economic and cultural contexts, and social trust: cross-sectional and longitudinal evidence from european regions, 2002–2010. *Soc. Forces*, 2015. Vol. 93, no. 3, pp. 1211–1240.
55. Ziller C., Wright M., Hewstone M. Immigration, social trust, and the moderating role of value contexts. *Social Science Research*, 2019. Vol. 79, pp. 115–126.

Информация об авторах

Галыпина Виктория Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Information about the authors

Victoria N. Galyapina, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading Research Fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3885-1455>, e-mail: vgalyapina@hse.ru

Получена 20.02.2020

Received 20.02.2020

Принята в печать 08.10.2021

Accepted 08.10.2021